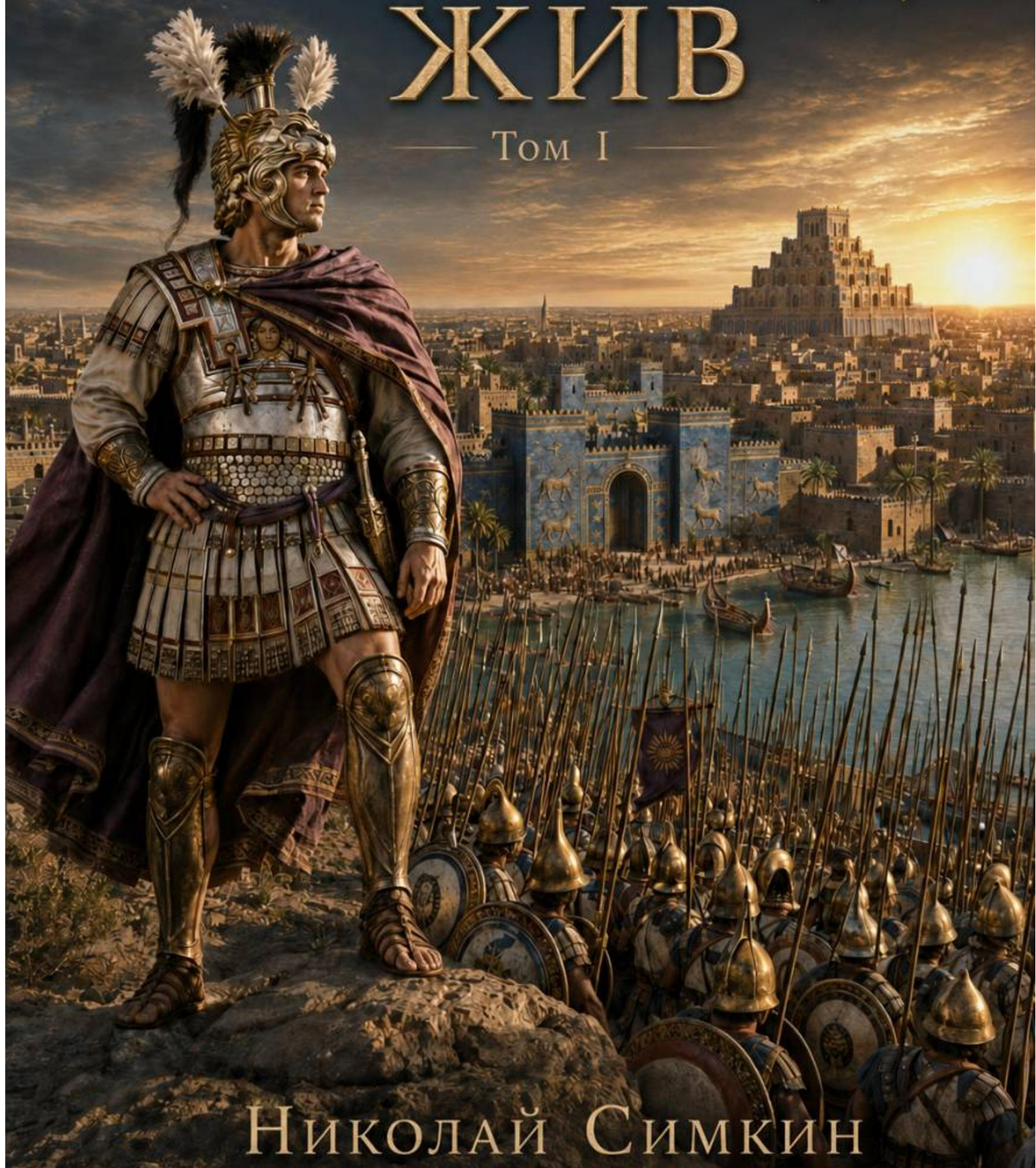

◆ КОНТИНУУМ АЛЕКСАНДРА ◆

Цикл «Александр»

АЛЕКСАНДР ЖИВ

Том I

Николай Симкин

Континуум Александра. Цикл "Александр"

Николай Симкин

Александр жив

«Автор»

2026

Симкин Н.

Александр жив / Н. Симкин — «Автор», 2026 — (Континуум Александра. Цикл "Александр")

Вавилон, 323 год до н. э. Александр Македонский должен умереть. Войско уже прощается с царём, придворные готовятся к миру без него, а старые приказы продолжают идти по дорогам огромной державы. Но Александр открывает глаза. Он выжил — и этим сломал будущее, которое мы знаем. Пока царь возвращается к жизни, Антипатр удерживает Македонию, Кратер ведёт ветеранов на запад, греческие города ждут удобного момента для сопротивления, а при дворе слишком многие уже успели представить, кому достанется власть после смерти Александра. Теперь ему предстоит не просто снова командовать армиями. Ему придётся понять, способен ли созданный завоеваниями мир пережить своего создателя. «Александр жив» — историческая фантастика без попаданцев и магии: альтернативная история начинается с одного человека, который в июне 323 года до н. э. не умер.

© Симкин Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Неправильный рассвет	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Николай Симкин

Александр жив

Глава 1. Неправильный рассвет

Македонян пускали по одному.

Александр сперва не понял, почему они идут так тихо. После победы люди проходили перед ним иначе — сбивались теснее, старались поймать взгляд царя, кто-нибудь обязательно выкрикивал имя товарища или напоминал о старой ране; теперь слышались только осторожные шаги, скрип кожи да редкий звон пряжки. Оружие у них отобрали у дверей, многие вошли даже без плащей, и вместе с каждым человеком в комнату входил запах дороги, за годы похода ставший привычнее любых дворцовых благовоний. У порога кто-то раз за разом шептал: не задерживайся.

Александр хотел спросить, кто распорядился устроить это шествие, но язык не слушался, во рту пересохло так, что губы прилипали к зубам, а попытка поднять руку закончилась едва заметным движением пальцев по покрывалу. Собственное тело вызывало ярость своей тяжестью. Ещё недавно он мог провести целый день верхом после бессонной ночи, спрыгнуть с коня и идти осматривать укрепления; сейчас даже поворот головы требовал приготовления.

Первого воина, которого удалось рассмотреть как следует, он, кажется, знал: старик стоял далеко от ложа, ссутулившись больше обычного, от виска наискось по скуле уходил давний шрам, правое плечо было ниже левого. Имя не приходило. Раньше люди вспоминались вместе с местом — под Иссом, на переправе, — вместе с тем, как человек держал щит и кого вытащил из-под коня; теперь память подсовывала пустоту, и злился Александр уже на это.

Старик не ждал приказа. Он смотрел так, как смотрят возле ложа человека, которому уже нечего говорить, потом коснулся двумя пальцами губ и груди — то ли прощаясь, то ли обращаясь к богу — и пробормотал что-то, чего Александр не расслышал. Тогда Александр напряг шею и приподнял голову, совсем немного, но воин заметил, и на его лице что-то дрогнуло; он шагнул ближе, и человек у двери тронул его за локоть. Старик поклонился и вышел.

Вошёл следующий, потом ещё один.

Понадобилось несколько человек, прежде чем Александр разобрал, зачем их сюда пускают: обычные македоняне из войска приходили проститься с царём. Один был так молод, что Александр не помнил его вовсе; другой двигался с осторожностью человека, которому трудно сгибать колени, и, проходя мимо ложа, сжал кулак у груди и сказал вслух:

— Пусть Зевс ещё не отдаёт тебя Аиду.

Человек у двери сердито шикнул на него, но Александр уже услышал. Значит, здесь решили, что дело за богами мёртвых.

Он закрыл глаза; под веками плавал красный свет, где-то за стеной ударили в бронзу, потом ещё раз. Вавилон жил своим утром — на Евфрате двигались лодки, у складов спорили о зерне, писцы давили стилосами клинья во влажную глину, — и от этого города Александр много недель требовал людей, кораблей, денег и ответов, а сейчас город не требовал от него ничего.

Последнее время спуталось. Он помнил ванну и раскалённую кожу, помнил, как его куда-то несли, хотя он требовал, чтобы его поставили на ноги. К жертвеннику. Это он помнил точно, потому что помнил стыд: дым резал глаза, жрец говорил слишком громко, будто боги слышат хуже больного царя, а сам он не мог удержать руку над огнём и знал, что все вокруг это видят. Потом снова потолок, жар и вода по глотку.

Ему было тридцать два. Он прошёл дальше, чем надеялся Филипп, начиная войну с Персией, видел Дария мёртвым, потерял Гефестиона и заставил македонян с персами служить рядом — плохо, с ненавистью, с драками, но заставил. Против жара не помогло ничего из этого.

Кто-то смочил ему губы. Александр открыл глаза и увидел Роксану: она сидела у стены, придерживая ладонью тяжёлый живот, и духота была для неё явно чрезмерна — волосы липли к вискам, под глазами лежали тени. За последние дни он не раз путал явь с лихорадкой, но сейчас её лицо было отчётливым, и Роксана, заметив его взгляд, не стала изображать ободрение.

Он попробовал произнести её имя, получился только воздух. Она поднялась, и лекарь остановил её рукой.

Что-то поднялось в Александре раньше, чем он успел это назвать. Убери руку — вышел хрип. Он попробовал ещё раз, вложив в это всё, что оставалось, и опять ничего не вышло, и тогда стало по-настоящему страшно, потому что человек в двух шагах решал, кому подходить к его постели, и даже не узнает, что царь приказал ему обратное.

Роксана посмотрела на лекаря. Тот руку не убрал.

Последний воин поклонился у двери, и после него никого не впустили. Тогда Роксана всё-таки подошла — на этот раз лекарь не помешал — села возле ложа и взяла Александра за руку; от прохлады её пальцев он понял, насколько горяч сам.

— Они требовали видеть тебя, — тихо сказала она. — Пришлось пустить.

Александр моргнул.

— Я знаю, — сказала Роксана, словно он ответил. — Мне тоже не нравится.

Александр закрыл глаза и долго лежал, слушая, как за дверью переговариваются те, кого уже не впустили, и как их голоса один за другим уходят по коридору вглубь дворца.

Ночь тянулась без меры. Александр то приходил в себя, то снова проваливался куда-то, откуда возвращался к одному и тому же потолку, и каждое возвращение состояло из одних и тех же вещей: лампа, ладонь лекаря на лбу, голоса за занавесью, горечь на языке, вода по плотку и чья-то рука, меняющая мокрую ткань у него на груди. Иногда он успевал понять, где находится, иногда нет.

Один раз за занавесью произнесли имя Пердикки, позже — Кратера, потом Антипатра; Александр попытался прислушаться, но слова смешались. Ещё позже два мужских голоса заспорили о храме, и он различил имена Пифона и Селевка, потом — Сераписа, и понял, что кто-то собирается спрашивать бога, следует ли перенести царя в святилище. Люди, спорившие с ним из-за полцарства, шли узнавать у чужого бога, куда поставить его ложе. Смешок не вышел, только больно дёрнуло грудь.

Приказы, отданные до болезни, уже ушли из Вавилона. Кратер вёл ветеранов на запад, Антипатру было велено оставить Македонию и явиться к царю, на Персидском заливе готовили суда для Аравии, и где-то ехали гонцы, которым было всё равно, лежит их отправитель при смерти или уже умер: если никто не остановит, они довезут то, что им дали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.